Юридическая ответственность за вред, причиненный действиями искусственного интеллекта в публично-правовых отношениях

Иванов Сергей Владимирович
Аспирант, Московский финансово-промышленный Университет «Синергия, ivanovsergei5@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы юридической ответственности за вред, причиненный решениями искусственного интеллекта в публично-правовых отношениях. Государственные органы все шире применяют автоматизированные системы при выработке юридически значимых решений, в контрольно-надзорной деятельности, при предоставлении публичных услуг и оценке рисков, тогда как единого механизма распределения ответственности за вызванный такими решениями вред в российском праве пока нет. На основе анализа статьи 53 Конституции Российской Федерации, норм гражданского законодательства, законодательства о персональных данных, стратегических документов в сфере искусственного интеллекта, а также отечественной и зарубежной доктрины обоснована двухконтурная модель ответственности. Во внешнем контуре перед потерпевшим отвечает публичный субъект, от имени которого принято решение; во внутреннем контуре действует дифференцированный регресс к органу, должностному лицу, поставщику системы и оператору данных. Аргументирована целесообразность нормативного закрепления обязанностей фиксации информации о работе системы, объяснимости и человеческого контроля, а также смещения бремени доказывания в пользу потерпевшего при отсутствии этих сведений.
Ключевые слова: искусственный интеллект; публично-правовые отношения; государственное управление; автоматизированное принятие решений; юридическая ответственность; возмещение вреда; объяснимость; транспарентность; человеческий контроль; судебная защита.

Постановка проблемы

Цифровая трансформация публичного управления изменила не только инструментарий органов власти, но и саму природу принимаемых ими решений. Системы искусственного интеллекта (далее – ИИ) давно перестали быть средством сугубо внутренней аналитики. Сегодня они участвуют в выработке юридически значимых решений, затрагивающих права, свободы и законные интересы частных лиц: в правоохранительной деятельности, налоговом и миграционном администрировании, распределении мер социальной поддержки, контрольно-надзорной деятельности, предоставлении государственных услуг. При этом публичная власть сохраняет то, чего лишен любой коммерческий сервис, – принудительный авторитет и презумпцию законности своих актов. Дефект алгоритма, положенного в основание властного решения, бьет по гражданину иначе и сильнее, чем сбой потребительского приложения.

Проблема давно вышла за пределы теоретических построений. Сравнительный опыт показывает, что в публичной сфере вред чаще рождается не из мифического «сильного» ИИ, а из сочетания алгоритмического риска, административной непрозрачности и слабых процедур обжалования. Вместе с тем отечественное право пока не предлагает целостной конструкции, которая отвечала бы на главный вопрос: кто и в каком объеме отвечает перед гражданином, пострадавшим от решения, выработанного или существенно предопределенного машиной. Сам по себе ИИ субъектом права не является; значит, спор о возмещении вреда неизбежно разворачивается вокруг людей и организаций, которые ввели систему в оборот либо опирались на нее. На наш взгляд, эту проблему правильнее рассматривать не как технологический казус, а как новый вид риска осуществления публичной власти.

Юридически значимое решение в публичной сфере формально исходит от органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица – даже когда оно подготовлено, отфильтровано либо предопределено алгоритмической системой. Конституция Российской Федерации в статье 53 гарантирует каждому право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц [1]. Статья 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации переводит эту гарантию в деликтный механизм: вред, причиненный гражданину или юридическому лицу незаконными действиями органов власти, возмещается за счет соответствующей казны [2]. Исходная точка российской модели, следовательно, – публичный субъект, а не «искусственный интеллект» как мнимый носитель прав и обязанностей. Этот вывод разделяет и современная отечественная доктрина [8; 9].

Сложность в другом. Установить источник вреда быстро удается редко: им может оказаться дефект архитектуры модели или обучающего набора данных, некорректная интеграция системы, неверно выбранные параметры эксплуатации. Сюда же относится и собственно управленческое упущение – незаконное решение, которое должностное лицо обязано было проверить самостоятельно, не перекладывая ответственность на «подсказку» программы. Особенно остро эта асимметрия проявляется в публичном управлении, где гражданин не имеет доступа ни к модели, ни к журналам событий, ни к

методике скоринга, а потому объективно слабее в доказывании причинной связи и противоправности [11]. Думается, именно информационное неравенство сторон, а не «автономность» машины, образует ядро проблемы.

Действующее российское регулирование: фрагментарный фундамент

Российская правовая база уже содержит основу защиты от вреда, причиненного ИИ-решениями в публичной сфере, однако основа эта пока фрагментарна. Помимо конституционной гарантии и деликтных норм гражданского права, особое значение приобретает статья 16 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», которая отдельно регулирует решения, порождающие юридические последствия и принятые исключительно на основании автоматизированной обработки персональных данных [3]. Иными словами, отечественный законодатель уже исходит из повышенной чувствительности полностью автоматизированных решений. При этом названная норма защищает преимущественно права субъекта данных и не выстраивает ни публично-правовую процедуру объяснения такого решения, ни детальную модель распределения ответственности между государством и его технологическими контрагентами.

Стратегический контур регулирования сложился раньше отраслевого. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (в редакции 2024 года), и Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р, прямо называли юридическую ответственность и применение ИИ при принятии юридически значимых решений отдельными направлениями регулирования [4; 5]. Дополняет картину мягкое право – Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта 2021 года и национальные стандарты обеспечения доверия к системам ИИ [6; 7]. По сути, проблема осознана на уровне доктрины и политики, но в законодательную конструкцию полного цикла – от уведомления лица о применении ИИ до регресса к поставщику системы – эти установки пока не преобразованы. Приходится констатировать: публичная власть технологически усложняется быстрее, чем обновляется модель ее юридической ответственности. В отечественной науке административного права эта асимметрия давно осознана как запрос на опережающее развитие правового регулирования и потребовала введения в методологический инструментарий категории предвидения применительно к вопросам цифровизации и робототехники [14].

Стоит присмотреться к самой связке конституционной и деликтных норм. Статья 53 Конституции задает гарантию, статья 1069 Гражданского кодекса – общий механизм возмещения за счет казны, а статья 1070 выделяет особый режим ответственности за вред от незаконных действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда [2]. Последнее обстоятельство для нашей темы принципиально: именно в правоохранительной и судебной сферах ИИ-инструменты (оценка риска, классификация, предиктивная аналитика) затрагивают человека наиболее болезненно. Получается, что российское право уже различает обычный публичный деликт и деликт в наиболее чувствительных областях, однако технологический фактор – участие алгоритма в подготовке решения – в этой дифференциации пока никак не учтен. Восполнить этот пробел, на наш взгляд, и призван специальный режим.

Сравнительно-правовой контекст

На международном уровне вопрос поставлен заметно жестче. Статья 22 Регламента (ЕС) 2016/679 ограничивает решения, основанные исключительно на автоматизированной обработке, если они влекут юридические последствия или сходным образом существенно затрагивают лицо [17]. Регламент (ЕС) 2024/1689 об искусственном интеллекте отнес к высокорисковым именно те сферы, где публичная власть традиционно сильнее всего вторгается в правовой статус человека: правоохранительную деятельность, миграцию и пограничный контроль, отправление правосудия, демократические процессы, доступ к существенным услугам [18]. Регламент не создает компенсационного механизма как такового, но институционализирует обязанности по управлению рисками, ведению журналов событий, обеспечению прозрачности и человеческого надзора. Логика проста и верна по существу: чем сильнее ИИ влияет на положение человека в отношениях с государством, тем выше должны быть требования прозрачности и подконтрольности.

Сравнительные кейсы подтверждают, что вред возникает не от «самосознания машины», а от плохой административной организации алгоритмического решения. Суд Гааги в 2020 году признал, что нормативная база системы выявления риска мошенничества в социальной сфере (SyRI) была недостаточно прозрачной и несоразмерно вмешивалась в частную жизнь, нарушая статью 8 Европейской конвенции [16]. Последовавший нидерландский скандал вокруг детских пособий, охарактеризованный парламентским расследованием как беспрецедентная несправедливость, привел к массовому ущербу и отставке правительства в 2021 году. Для российской науки это аргумент не «против ИИ», а в пользу превентивной нормативной модели: правовая задача состоит не только в том, чтобы найти виновного после инцидента, но и в том, чтобы заранее выстроить режим, при котором цифровая публичная власть остается проверяемой, объяснимой и поправимой.

Двухконтурная модель ответственности

Представляется, что наиболее адекватной российской конституционной логике является двухконтурная модель ответственности за вред от ИИ-решений в публично-правовых отношениях. Ее сущностные характеристики можно свести к двум положениям.

1. Внешний контур. Перед гражданином или организацией отвечает тот публичный субъект, от имени которого принято юридически значимое решение или совершено причинившее вред действие. Такая конструкция прямо продолжает статью 53 Конституции Российской Федерации и статью 1069 Гражданского кодекса: потерпевший не должен распутывать технологическую цепочку между ведомством, интегратором и поставщиком модели, чтобы получить возмещение. Если вред причинен при реализации публичной функции, первоначальный ответчик – государство или иной публичный носитель власти. Именно это отвечает требованиям правовой определенности и эффективной судебной защиты.

2. Внутренний контур. После возмещения вреда публичный субъект должен располагать регрессным требованием к конкретным участникам жизненного цикла системы, и объем требования зависит от источника дефекта. Когда вред вызван незаконным выбором модели, отказом от оценки рисков или игнорированием очевидных аномалий, регресс обращается к органу и должностным лицам. Когда причина лежит в недоброкачественных данных, скрытых ограничениях модели или ненадлежащем сопровождении, ответственность перераспределяется на разработчика, поставщика, интегратора, оператора данных либо их сочетание. Полезны здесь и наработки оте-

чественной доктрины о дифференциации субъектов ответственности [10; 15], и обсуждаемые механизмы распределения ответственности за вред от систем ИИ [13].

Подчеркнем: разведение контуров не освобождает государство от первичной ответственности и не превращает гражданина в участника технологического спора. Внешний контур обеспечивает быстрое и предсказуемое возмещение, внутренний – справедливое возложение издержек на того, кто действительно создал риск.

Двухконтурная модель не закрывает отдельного вопроса – о пределах полностью автономного принятия решений. Думается, в высокорисковых сферах публичной власти (контроль и надзор, миграция, социальная поддержка, тем более правоохрана и правосудие) окончательное юридически значимое решение не должно приниматься машиной без содержательного участия человека. Человеческий контроль здесь не формальная подпись под готовым результатом, а реальная возможность не согласиться с выводом системы, запросить обоснование и принять иное решение под собственную ответственность. Если же орган сознательно выстраивает процесс так, что должностное лицо фактически лишь визирует машинный результат, это само по себе должно рассматриваться как нарушение стандарта осмотрительности и основание для повышенной ответственности. Иначе разговор о регрессе и бремени доказывания теряет смысл: невозможно спрашивать с того, кому не оставили реального выбора.

Объяснимость, логирование и бремя доказывания

Без объяснимости и протоколирования любая модель ответственности остается во многом декларативной. В этой связи в публичном праве оправдано закрепить минимальный набор обязанностей органа, использующего ИИ в юридически значимых процессах: фиксировать сам факт применения системы и сохранять журналы событий; хранить сведения о версии модели, источниках и профиле данных, параметрах запуска и роли человека в цепочке принятия решения. К этому добавляется требование воспроизводимости результата, без которого последующая проверка теряет смысл. При отсутствии перечисленных данных суду следует предоставить право смещать бремя доказывания в пользу потерпевшего, презюмируя нарушение стандарта должной цифровой осмотрительности. Прозрачность государственного управления при автоматизированном принятии решений уже стала предметом самостоятельного исследовательского внимания [12], и российская модель здесь способна развиваться в собственной логике, не копируя зарубежные конструкции механически.

Процессуальные гарантии

Лицо, в отношении которого применялись ИИ-системы при принятии публично значимого решения, нуждается не в абстрактном «праве знать о цифровизации», а в конкретных правомочиях. К ним относятся право быть уведомленным о применении ИИ и право на содержательное объяснение его роли в решении. Особое место занимает право на пересмотр решения человеком (human review): автоматизированный результат не должен становиться окончательным там, где речь идет о правах и свободах. Сюда же примыкает право оспорить цифровой результат с доступом к сведениям, необходимым для защиты, и – при споре о корректности модели, качестве данных или алгоритмической дискриминации – право на независимую экспертизу. Пока такие гарантии вытекают из общих норм о защите прав, персональных данных и возмещении вреда [3], однако для публичной сферы требуется их более прямая кодификация.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что вред, причиненный решениями искусственного интеллекта в публично-правовых отношениях, следует рассматривать как новый вид риска осуществления публичной власти, а не как технологический казус. Искусственный интеллект не является самостоятельным субъектом публично-правовой ответственности; юридическое значение сохраняют решения и действия органов власти, должностных лиц и организаций, которые эксплуатируют или поставляют такие системы. Полагаем целесообразным закрепить в законодательстве специальный режим, опирающийся на двухконтурную модель: внешнюю публичную гарантию возмещения вреда за счет казны и внутренний дифференцированный регресс, дополненные обязанностями логирования, объяснимости и человеческого контроля, а также правилом о смещении бремени доказывания при их несоблюдении.

Своевременность такой постановки не вызывает сомнений. Российская судебная и правоприменительная практика по делам, связанным с использованием ИИ, переходит от обсуждения технологии как футуристического феномена к институциональной настройке доказательственных и квалификационных подходов. Отсутствие пока обширного массива дел – не повод откладывать решение, а основание выстроить правила до того, как вред станет массовым. Конституционная гарантия возмещения вреда обращена в будущее ровно в той мере, в какой государство готово сохранить цифровую публичную власть подконтрольной и объяснимой.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 53 [Электронный ресурс] // Доступ: СПС "Консультант Плюс Проф" (Дата обращения: 13.06.2026).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026). Ст. 1069, 1070 [Электронный ресурс] // Доступ: СПС "Консультант Плюс Проф" (Дата обращения: 13.06.2026).

3. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025). Ст. 16 [Электронный ресурс] // Доступ: СПС "Консультант Плюс Проф" (Дата обращения: 13.06.2026).

4. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года") [Электронный ресурс] // Доступ: СПС "Консультант Плюс Проф" (Дата обращения: 13.06.2026).

5. Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 № 2129-р [Электронный ресурс] // Доступ: СПС "Консультант Плюс Проф" (Дата обращения: 13.06.2026).

6. ГОСТ Р 59276-2020. Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения: национальный стандарт Российской Федерации (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 23.12.2020 № 1371-ст; дата введения 01.03.2021) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС "Консультант Плюс Проф" (Дата обращения: 13.06.2026).

7. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. М., 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://ethics.a-ai.ru/ (Дата обращения: 13.06.2026).

8. Архиереев Н. В. О гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный при использовании искусственного интеллекта // Правовое государство: теория и практика. 2024. Т. 20. № 3 (77). С. 104-109. DOI: 10.33184/pravgos-2024.3.12. EDN: SYTIQM.

9. Архипов В. В., Наумов В. Б., Смирнова К. М. Пределы принятия юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 4. С. 882-906. DOI: 10.21638/spbu14.2021.405. EDN: BNEPZT.

10. Балалаева Ю. С. Проблема определения субъектов юридической ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом: анализ путей решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (99). С. 10-19. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-3-10-19. EDN: OZYUGX.

11. Бахтеев Д. В. Правовой статус систем искусственного интеллекта и модели дифференциации юридической ответственности за причиненный ими вред // Lex Russica. 2024. Т. 77. № 4 (209). С. 9-23. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.209.4.009-023. EDN: ULESCY.

12. Кабытов П. П., Назаров Н. А. Прозрачность государственного управления в условиях автоматизированного принятия решений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 3. С. 28-55. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.3.28.55.

13. Казанцев Д. А. Правовые механизмы распределения ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. Т. 3. № 3. С. 446-471. DOI: 10.21202/jdtl.2025.18. EDN: RUZMXP.

14. Малько А. В., Ишеков К. А., Черкасов К. В. Предвидение в науке административного права (По трудам юбиляра – ученого-административиста П. П. Сергуна) // Государство и право. 2023. № 10. С. 119–124. DOI: 10.31857/S102694520027964-1.

15. Талапина Э. В., Черешнева И. А. Правовые проблемы ответственности за государственные управленческие решения с использованием искусственного интеллекта // Информационное общество. 2024. № 6. С. 98-106. EDN: AASLOI.

16. District Court of The Hague. Judgment of 5 February 2020 in case NJCM and others v. the State of the Netherlands (SyRI), ECLI:NL:RBDHA:2020:865. URL: https://uitspraken.rechtspraak.nl/#!/details?id=ECLI:NL:RBDHA:2020:865 (Дата обращения: 13.06.2026).

17. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. 2016. L 119. P. 1-88. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj (Дата обращения: 13.06.2026).

18. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L, 2024/1689. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (Дата обращения: 13.06.2026).

Legal liability for harm caused by artificial intelligence decisions in public-law relations

Ivanov S.V.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article examines the problems of legal liability for harm caused by artificial intelligence decisions in public-law relations. Public authorities increasingly rely on automated systems when adopting legally significant decisions, in oversight activities, in the delivery of public services and in risk assessment, while Russian law still lacks a unified mechanism for allocating liability for the resulting harm. Drawing on Article 53 of the Constitution of the Russian Federation, civil legislation, personal-data legislation, strategic documents on artificial intelligence, and Russian and foreign doctrine, the author substantiates a two-tier model of liability. In the external tier the public entity in whose name the decision was taken is liable to the injured party; in the internal tier a differentiated recourse operates against the body, the official, the system supplier and the data operator. The expediency of the normative consolidation of obligations for system activity logging, explainability, and human oversight, as well as the shifting of the burden of proof in favor of the victim in the absence of such information, is argued.

Keywords: artificial intelligence; public-law relations; public administration; automated decision-making; legal liability; compensation for harm; explainability; transparency; human oversight; judicial protection.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993, with amendments approved on 1 July 2020). Article 53 [Electronic resource]. Access: Consultant Plus Prof legal reference system (accessed: 13.06.2026).
2. The Civil Code of the Russian Federation (part two): Federal Law of 26 January 1996 No. 14-FZ (as amended on 24 June 2025, with changes of 9 June 2026). Articles 1069, 1070 [Electronic resource]. Access: Consultant Plus Prof legal reference system (accessed: 13.06.2026).
3. On Personal Data: Federal Law of 27 July 2006 No. 152-FZ (as amended on 24 June 2025). Article 16 [Electronic resource]. Access: Consultant Plus Prof legal reference system (accessed: 13.06.2026).
4. On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 10 October 2019 No. 490 (as amended on 15 February 2024) (together with the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030) [Electronic resource]. Access: Consultant Plus Prof legal reference system (accessed: 13.06.2026).
5. On Approval of the Concept for the Development of the Regulation of Relations in the Field of Artificial Intelligence and Robotics Technologies until 2024: Order of the Government of the Russian Federation of 19 August 2020 No. 2129-r [Electronic resource]. Access: Consultant Plus Prof legal reference system (accessed: 13.06.2026).
6. GOST R 59276-2020. Artificial intelligence systems. Methods for ensuring trust. General: National Standard of the Russian Federation (approved by Order of Rosstandart of 23 December 2020 No. 1371-st; effective from 1 March 2021) [Electronic resource]. Access: Consultant Plus Prof legal reference system (accessed: 13.06.2026). (In Russ.)
7. Code of Ethics in the Field of Artificial Intelligence. Moscow, 2021 [Electronic resource]. URL: https://ethics.a-ai.ru/ (accessed: 13.06.2026). (In Russ.)
8. Arkhiereev N. V. On civil liability for harm caused by the use of artificial intelligence. Rule-of-Law State: Theory and Practice. 2024. Vol. 20. No. 3 (77). Pp. 104-109. DOI: 10.33184/pravgos-2024.3.12. EDN: SYTIQM. (In Russ.)
9. Arkhipov V. V., Naumov V. B., Smirnova K. M. The limits of legally significant decision-making using artificial intelligence. Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2021. Vol. 12. No. 4. Pp. 882-906. DOI: 10.21638/spbu14.2021.405. EDN: BNEPZT. (In Russ.)
10. Balalaeva Yu. S. The problem of identifying the subjects of legal liability for harm caused by artificial intelligence: analysis of solutions. Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (99). Pp. 10-19. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-3-10-19. EDN: OZYUGX. (In Russ.)
11. Bakhteev D. V. The legal status of artificial intelligence systems and models for differentiating legal liability for the harm they cause. Lex Russica. 2024. Vol. 77. No. 4 (209). Pp. 9-23. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.209.4.009-023. EDN: ULESCY. (In Russ.)
12. Kabytov P. P., Nazarov N. A. Transparency of public administration under automated decision-making. Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2025. Vol. 18. No. 3. Pp. 28-55. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.3.28.55. (In Russ.)
13. Kazantsev D. A. Legal mechanisms for allocating liability for harm caused by artificial intelligence systems. Journal of Digital Technologies and Law. 2025. Vol. 3. No. 3. Pp. 446-471. DOI: 10.21202/jdtl.2025.18. EDN: RUZMXP. (In Russ.)
14. Mal'ko A. V., Ishekov K. A., Cherkasov K. V. Foresight in the science of Administrative Law (From the works of the anniversary – administrativist scientist P. P. Sergun). Gosudarstvo i pravo=State and Law. 2023. No. 10. Pp. 119–124. DOI: 10.31857/S102694520027964-1. (In Russ.)
15. Talapina E. V., Chereshneva I. A. Legal problems of liability for governmental managerial decisions involving artificial intelligence. Information Society. 2024. No. 6. Pp. 98-106. EDN: AASLOI. (In Russ.)
16. District Court of The Hague. Judgment of 5 February 2020 in case NJCM and others v. the State of the Netherlands (SyRI), ECLI:NL:RBDHA:2020:865. URL: https://uitspraken.rechtspraak.nl/#!/details?id=ECLI:NL:RBDHA:2020:865 (accessed: 13.06.2026).
17. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation). Official Journal of the European Union. 2016. L 119. Pp. 1-88. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj (accessed: 13.06.2026).